

СЕРГЕЙ ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ

“...И ОТКУДУ РУСКАЯ ЗЕМЛЯ СТАЛА ЕСТЬ”

Историческое сознание: опыт типологии

Историческое сознание – сложный социально-психологический феномен, включающий в себя множество различных элементов: память о прошлом, политические, социальные, общенациональные и региональные оценки прошлых событий, образы исторических героев, традиции, исторические знания, символы, предметы и др. Историческое сознание присуще различным социальным группам: нациям, классам, сословиям, религиозным объединениям, корпорациям, кланам, профессиональным и даже антиобщественным объединениям (например, уголовным и т. п.). Зачастую именно историческое сознание играет важнейшую роль в определении отдельным человеком или социальной группой собственной идентичности и, как следствие, заметно влияет на выбор политических, социальных, религиозных и даже бытовых предпочтений. Источники формирования исторического сознания разнообразны: историческая память, фольклор, религиозные учения, историческая мифология, официальные государственные концепции, научные интерпретации, произведения литературы, искусства и архитектуры и др.

Историческое сознание – вполне устоявшееся явление, опирающееся на традиционные исторические ценности, но одновременно явление очень гибкое, податливое влиянию как извне, так и изнутри, меняющееся в зависимости от изменчивости различных внешних обстоятельств. Огромную роль в формировании исторического сознания играет государственная политика в области истории, реализуемая через систему образования, культуру, средства массовой коммуникации, поддержку тех или иных религиозных учений и др. Однако всегда существовала, а в современном мире намного увеличилась возможность негосударственного и антигосударственного влияния на историческое сознание. К примеру, любая универсалистская идеология, претендующая на всемирную

ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ Сергей Вячеславович (р. 1960 г.) — историк, философ, писатель, доктор исторических наук, профессор факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, сопредседатель Правления Союза писателей России, член Бюро Президиума Всемирного Русского Народного Собора. Автор более 60 книг, среди них — “Россия. Великая судьба”, “Русский выбор: Очерки национального самосознания”, “Русские смыслы: Духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии”, “Родство по истории: Статьи. Очерки. Беседы” и др. Соавтор учебно-методического комплекта по истории России для 6–11 классов. Лауреат нескольких литературных премий, а также премии МГУ имени М. В. Ломоносова “Выдающиеся монографии”.

гегемонию, предполагает целенаправленные действия по размыванию и даже уничтожению традиционного национального, государственного или религиозно-исторического сознания с целью замещения в сознании людей традиционных представлений о прошлом собственным видением истории (“история – это борьба классов”; “история – это борьба за права человека” и др.). Подвержено историческое сознание и влиянию отдельных социальных групп, которые представляют собственные групповые или корпоративные исторические приоритеты как общезначимые. Поэтому историческое сознание во все времена было и продолжает оставаться ареной борьбы различных социально-политических сил с целью утверждения определённых целей исторического развития, ведь борьба за историю – это всегда борьба за настоящее и будущее.

Понимание сущности исторического сознания, его форм и процессов развития зависит от религиозно-философских предпочтений и методологических принципов тех или иных мыслителей, политических, религиозных, общественных и т. д. деятелей. В данной работе невозможно охарактеризовать все аспекты исторического сознания и продемонстрировать все подходы к анализу его сущности. Поэтому историческое сознание будет рассматриваться в определённых рамках: во-первых, с позиций традиционалистско-консервативной методологии; во-вторых, как явление, прежде всего, национальное, то есть как историческое сознание народа; и в-третьих, на примере развития исторического сознания русского народа, то есть с учётом русской национальной специфики.

* * *

Давно замечен один интересный феномен: в России все дискуссии, будь то споры о проблемах экономики, актуальной политики, культуры, да о чём угодно, довольно быстро превращаются в споры об истории. Видимо, это неизбежно, ибо без обретения определённого единства в решении исторических вопросов трудно обрести единство в решении вопросов современности и самое главное – в вопросах о будущем. Следовательно, для существования русского народа и Российского государства большое, если не решающее значение имеет единое историческое сознание.

Причины подобной значимости единого исторического сознания для России, думается, можно найти в далёкой древности. Дело в том, что у славянских народов ещё в очень древние времена основой социума стала территориальная или соседская община, члены которой были связаны не столько кровным родством, сколько общей хозяйственной жизнью, общей территорией, духовными и культурными предпочтениями. Более того, в такой общине вполне по-соседски уживались выходцы не только из разных племён, но даже выходцы из разных народов, то есть этнически отдалённые друг от друга. Но подобные исторические феномены обернулись тем, что практически у всех славянских народов отсутствует память о дальнем кровном родстве.

В самом деле, большинство русских обычно помнят своих родственников максимум до 4–5 колена, а дальше... или тишина, или надо проводить специальные изыскания. В то же время представители какого-либо кавказского народа или какого-либо из тюркских народов всегда готовы рассказать о далёких предках, включая прародителей, потому что память о них трепетно хранят семейные и родовые предания. А, к примеру, в скандинавских сагах перечислены имена предков из 30–40 предшествующих поколений. У русской же элиты, бояр и дворян, первые родословные появились только во второй половине XVI века, да и то чаще всего были вымышленными, особенно в тех частях, которые касались происхождения родов. Тогда было “модным” придумывать себе иноземных прародителей: с одной стороны, вроде бы почётно вести свой род от какого-нибудь знатного иностранца, а с другой стороны, пойдя, докажи, что это не так, ведь в Московской Руси практически ничего не знали о генеалогических связях Западной Европы. Самый яркий пример такой придуманной генеалогии – родословная сначала бояр, а потом царей из рода Романовых, начало которой возводили к мифическим предкам, въехавшим на Русь “из Пруссии” в начале XIV века. Подобные истории случались и позднее, причём на вполне официальном уровне. Так, в начале XVIII века по заданию Петра I была придумана мифическая родословная его любимца Александра Даниловича Меншикова, который, благодаря этой выдумке, получил титул светлейшего

князя Священной Римской империи. Основное же русское население, крестьяне, даже фамилии получили только в XVIII-XIX вв. в ходе ревизских переписей, а так каждое новое поколение прозывалось или по имени деда, или по профессии какого-то недавнего предка, или по его прозвищу. Отсюда среди русских столь много Ивановых, Кузнецовых да Зайцевых.

Таким образом, одним из кардинальных качеств русского национального сознания является не “родство по крови”, а **“родство по истории”**. А от ответов на исторические вопросы зависит не только современное положение, но и будущее русского народа, более того, само существование русского народа. Поэтому можно признать, что, в отличие от многих иных народов, у русских, как, впрочем, и у большинства других славян, вместо “крови” одним из объединяющих начал наряду с образом единой Земли, единым языком, единой верой, общей культурой и единым государством является и *единое историческое сознание* (то самое “родство по истории”).

Единое историческое сознание – это целый комплекс важнейших исторических событий, единая оценка которых отточена веками общей исторической судьбы, а признание этой оценки и обозначает, собственно говоря, принадлежность к народу; это и вполне реальное ощущение человеком причастности собственной, отдельной, частной судьбы к чему-то большому, значимому, великому, причастности современных поколений к исторической судьбе своего народа, понимание ими собственной исторической и нравственной ответственности за свою землю и свой народ перед прошлыми и будущими поколениями.

Само по себе единое историческое сознание состоит из нескольких условных “уровней”. В основе “родства по истории” лежит *общая историческая память народа*. **Общая историческая память народа – это чувство (осознанное или неосознанное) единства исторической судьбы народа и потому самая распространённая форма исторического сознания, чаще всего существующая в виде чувственных образов, представленных в различных устных и письменных источниках (преданиях, сказаниях, былинах, поговорках, песнях, литературных и художественных произведениях и т. д.).** Историческая память возникает в далёкой древности, но существует на протяжении всего времени исторического бытия народа, в том числе и в современном его состоянии. Именно в силу своей чувственной природы историческая память часто противоречит научному историческому знанию, ведь для неё далеко не всегда важны точные даты и места тех или иных исторических событий, реальные имена участников этих событий и даже реальность самих исторических личностей. Более того, историческая память народа существует преимущественно в мифологизированном виде и иной быть не может, ибо миф – это обыденное и совершенно нормальное состояние исторической памяти народа. К примеру, в исторической памяти русского народа очень популярен исторический персонаж по имени Владимир Красное Солнышко. Но ведь это персонаж русских былин, а значит, собирательный образ древнерусского князя (X-XIII вв.), имеющий мало общего с реальными историческими личностями. Однако даже в научной литературе можно иногда найти отождествление былинного Владимира Красное Солнышко с историческим киевским князем Владимиром Святославичем, Крестителем Руси (ум. 1015 г.), а в обыденной исторической памяти народа князь Владимир Святославич чаще всего и присутствует под прозвищем “Красное Солнышко”.

Помимо того, что историческая память может противоречить научному историческому знанию, она ещё и внутренне противоречива. Подобная внутренняя противоречивость исторической памяти особенно характерна для больших народов, проживающих на обширных территориях и контактирующих в различных регионах своего проживания с иными народами. По этой причине возникали и параллельно существовали, во-первых, многообразные варианты общих исторических преданий и, во-вторых, локальные предания, не имеющие аналогов. В русской исторической памяти, наверное, самым ярким локальным преданием можно считать “Слово о полку Игореве” (XII в.). В этом памятнике, с одной стороны, отразилась древнейшая южнорусская историческая и религиозная мифология, восходящая к IV в. н. э. и не имеющая аналогов ни в русских, ни в других славянских преданиях, а с другой стороны, никак не отражена уже существовавшая к тому времени летописная версия русской истории, представленная в “Повести временных лет”².

На определённом этапе существования народа, чаще всего в период создания государства, возникает необходимость в структурировании народной исторической памяти и создании определённой концепции истории, отвечающей государственным интересам (в первую очередь, интересам правящего рода). Постепенно из разных вариантов исторических преданий в ходе их целенаправленной редакции складывается *официальная государственная интерпретация истории*, которая по мере утверждения в сознании народа начинает оказывать решающее влияние на формирование его исторического сознания.

В истории России было несколько официальных интерпретаций отечественной истории, которые последовательно сменяли друг друга. В первые века существования Древнерусского государства (кон. IX–XI вв.) в историческом сознании населения различных регионов сосуществовали разные представления о том “откуда пошла Русская земля и кто на Руси стал первым княжить?”. На северо-востоке, в Новгороде, придерживались версии о призвании варягов Рюрика с братией, а на юге, в Киеве, считали “отцом-основателем” некоего Кия со своим семейством. Этот спор очень ярко отражён в “Повести временных лет” – первой русской летописи, где присутствуют обе версии. Но были несогласные и с этими двумя легендарными преданиями. Так, одни “несогласные” (среди которых был, например, первый русский митрополит Иларион (XI в.), автор знаменитого “Слова о Законе и Благодати”) первым русским князем считали князя Игоря Старого. Другие “несогласные”, в том числе неизвестный нам автор “Слова о полку Игореве”, родоначальником русов называли некоего Трояна, то ли языческого бога, то ли мифического предка, а саму Русскую землю именовали “землёй Трояна”³.

Судя по всему, рождению *первой официальной интерпретации русской истории* мы обязаны, прежде всего, князьям Владимиру Всеволодовичу Мономаху (1053–1125) и его сыну Мстиславу Владимировичу Великому (1076–1132). Это были два последних князя, боровшихся за общерусское единство, и последние правители единого Древнерусского государства. Именно в годы их правления, и, возможно, по их заданию в первой четверти XII в. русские книжники-летописцы в Киеве свели различные исторические представления, легенды и предания славянских и неславянских народов в единый текст “Повести временных лет” и тем самым создали первую единую интерпретацию отечественной истории. Тогда, во-первых, впервые были определены специфические черты Русской земли, во-вторых, отечественная история была впервые “вписана” во всемирную и, прежде всего, христианскую историю, было определено место Русской земли в христианском мире.

Наконец, именно тогда были сведены в единую последовательную цепь событий разные версии возникновения Древнерусского государства (“Русской земли”) и разные версии происхождения русского княжеского рода. Какие-то боковые варианты генеалогии киевских князей были отброшены (например, фигуры Аскольда, Дира и Олега, которых стали именовать не князьями, а “боярами” и “воеводами”. Следствие этого – отсутствие названных фигур на памятнике “Тысячелетия России”, поставленном в Великом Новгороде в 1862 г.). Зато выделялась главная фигура – общим предком всех русских князей объявлялся Рюрик. И это при том, что, судя по всему, до конца XI века в Киеве мало кто что-то знал о Рюрике, а летописцам пришлось искусственно связывать между собой узами родства Рюрика и Игоря, отстоящего от своего якобы “отца” минимум на два поколения!

Со временем предложенная авторами “Повести временных лет” интерпретация отечественной истории стала общепризнанной и затем включалась во все последующие летописи как повествование о начальных этапах существования русского народа (самый ранний вариант “Повести временных лет” сохранился в Лаврентьевской летописи, известной в рукописи XIV в.). Немного позже именно эта интерпретация русской истории наряду с единой православной верой помогла русскому народу выстоять в трагическую годину ордынского владычества и сохранить сначала призрачную, а в дальнейшем всё более реалистичную надежду на возрождение русского единства, в том числе и единства государственного.

Впрочем, нужно иметь в виду, что на Руси во все времена существовало несколько летописных центров. В XI–XIII вв. при изложении и оценке современных им и некоторых исторических событий между собой спорили Киев, Новгород, Ростов, Галич и др., да и в Киеве по-разному смотрели на историю,

например, отлично друг от друга интерпретировали события прошлого и настоящего книжники Десятинной церкви и Киево-Печерского монастыря. В XIV–XV вв. в северо-восточной Руси соперничали московские и тверские летописцы, кроме того, специфические взгляды на современность и историю сохраняли новгородские и псковские летописи. Эти разные летописные традиции повлияли на формирование последующих официальных и научных интерпретаций отечественной истории⁴.

Ещё более значимой для благодатного развития русского народа и Российского государства оказалась *вторая официальная интерпретация истории*, возникшая в XVI в. Причиной её возникновения стали изменившиеся исторические обстоятельства: в конце XV столетия Русская держава обрела независимость и одновременно после падения в 1453 г. Византийской империи осталась единственным в мире независимым православным государством. Именно поэтому в начале XVI в. в России происходит какой-то неимоверный по силе и последствиям духовный и интеллектуальный взрыв – церковные и светские мыслители начали напряжённейшую работу по поиску нового места Русского государства и русского народа в мировой истории.

Результатом этого поиска стало появление ряда важнейших для русской истории духовно-политических комплексов и образов (“Третий Рим”, “Новый Израиль”, “Новый Иерусалим”, “Святая Русь”), в которых нашли своё выражение все смысловые и целевые установки исторического бытия России и русского народа на земле. А в русской книжной традиции появились важнейшие, основополагающие исторические сочинения: “Сказание о князьях Владимирских”, “Лицевой летописный свод”, “Никоновская летопись”, “Степенная книга царского родословия” и множество других значительных произведений, на идейной основе которых потом выросло Русское царство, а затем росла Российская империя⁵. Официальная интерпретация, созданная в XVI в., оказала наибольшее влияние на формирование русского исторического сознания, предложив современникам и потомкам основную периодизацию, основные оценки и основных героев отечественной истории, которые во многом сохранились до нашего времени.

Причём Романовы, став царствующей фамилией в XVII веке и не имея прямого кровного родства с Рюриковичами, тем не менее всячески подчёркивали и обосновывали своё родство с предшествующей династией, что позволило им перенести на себя все сакральные, символические и легендарные представления, которые в русском сознании были связаны с царствующим от века родом Рюриковичей.

В то же время в этот период продолжали существовать *неофициальные интерпретации истории*: во-первых, до начала XVII в. в отдельных центрах сохранялось собственное летописание с оригинальными трактовками исторических событий, во-вторых, с середины XVI в. стали появляться историко-политические сочинения различных авторов, представляющих собственные интерпретации истории и современности (например, сочинения А. М. Курбского). Эти неофициальные интерпретации сыграли свою роль в формировании последующих концепций отечественной истории.

В XVIII столетии в ответ на многообразные преобразования русской жизни в ходе реформ Петра I и Екатерины II возникает не просто *третья интерпретация*, а, скорее, *целый комплекс новых интерпретаций отечественной истории*. При этом различные интерпретации существуют параллельно и оказывают примерно одинаковое влияние на историческое сознание народа.

Прежде всего, создаётся *научная интерпретация отечественной истории*. Появление научной интерпретации было неизбежным: смысловые и целевые установки бытия России необходимо было понять с точки зрения нового рационалистического мировоззрения. Поэтому существовавшие до той поры религиозные духовно-политические концепты отечественной истории были отброшены, а в понимании истории постепенно утверждается так называемый “научный подход”, то есть рациональный, критический взгляд на прошлое.

Начало этому положил первый русский историк В. Н. Татищев (1686–1750), а продолжилось дело в трудах М. М. Щербатова (1733–1790), Н. М. Карамзина (1766–1826), М. П. Погодина (1800–1875), Н. Г. Устрялова (1805–1870), Н. И. Костомарова (1817–1875), С. М. Соловьёва (1820–1879), В. О. Ключевского (1841–1911), С. Ф. Платонова (1860–1933) и других, теперь уже профессиональных историков. Важная особенность научной интерпретации состояла в том, что в ней не было никакого единства, ибо всякий историк или выстраи-

вал собственную концепцию истории России, или же примыкал к уже существующей, развивал и дополнял её. Таким образом, в этот период появляется сразу несколько научных интерпретаций отечественной истории, объединённых только общим методологическим подходом, – все они строились на рационалистических, научно-критических началах.

Кроме того, в XVIII – начале XX вв. существовало несколько *официальных интерпретаций истории*, последовательно сменявших друг друга. Причём они создавались на основе той или иной научной интерпретации, но редактировались в определённом духовно-политическом ключе при непосредственном участии российских императоров (особую заинтересованность в этом проявили в XVIII в. Пётр I и Екатерина II, в XIX в. – Николай I). Наиболее влиятельными можно признать официальные интерпретации, предложенные авторами гимназических учебников: в XIX в. – курсы русской истории Н. Г. Устрялова и Д. И. Иловайского, а в начале XX в. – курс русской истории С. Ф. Платонова.

После революционных событий 1917 года и установления советской власти создаётся новая, *четвёртая, официальная интерпретация отечественной истории* – “марксистская”. При этом в СССР изначально были запрещены иные трактовки истории, а их последователи подвергались репрессиям (можно вспомнить печально знаменитое “Академическое дело” 1929–1931 годов, по которому пострадали академики С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле и многие другие историки).

Эта интерпретация основывалась всё на тех же рационалистических началах, но поначалу довела их до абсурда: в первые годы советской власти в интересах подготовки населения к мировой революции предшествующая история России вообще отрицалась или же приобретала причудливые формы, как, например, в сочинениях “главы марксистской исторической школы в СССР” академика М. Н. Покровского. Только в середине 1930-х годов, когда большевистское руководство отказалось от идеи мировой революции и сосредоточило силы на собственной стране, появляется госзаказ на разработку концепции отечественной истории. Как результат, в 1940–1950-е годы массовому общественному сознанию была предложена вполне внятная конструкция под названием “История СССР”. Иначе говоря, вновь “сверху” была установлена гегемония одной из возможных интерпретаций истории. Однако нужно иметь в виду, что даже в рамках марксистской идеологии в советской исторической науке продолжались многочисленные дискуссии по различным историческим проблемам, и в целом советские историки внесли весомый вклад в развитие мировой исторической науки, особенно в области экономических и социально-политических исследований.

После распада СССР в России установилась ситуация “исторического плюрализма”: при отсутствии официальной интерпретации сосуществовали и дискутировали между собой различные научные, религиозные, идеологические и даже ненаучно-фантастические⁶ интерпретации отечественной и мировой истории. По мнению различных политических сил и общественных движений, “исторический плюрализм” обернулся настоящей “исторической вакханалией”, и возникла опасность разрушения единого исторического сознания народа, а значит, опасность существованию народа и государства. Ответом на эти опасения стала так называемая “Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории”, которая должна послужить основой создания комплектов учебников для общеобразовательных школ. Впрочем, в научном обществе (в том числе и авторским коллективом “Концепции”) идея разработки новой официальной интерпретации истории была воспринята скептически, а в некоторых случаях – критически. Думается, поэтому и сама “Концепция” получилась очень рыхлой по структуре и противоречивой по содержанию. Таким образом, на сегодняшний день вопрос о разработке новой официальной интерпретации истории России, которая послужила бы дальнейшему существованию и развитию единого исторического сознания народа, остаётся открытым.

* * *

Как можно видеть, споры об истории велись на Руси всегда, с самых стародавних времён. Но периодически удавалось вырабатывать некое единое представление о прошлом, некую признаваемую всеми (или большинством) интерпретацию истории. И затем на основании такой интерпретации прошлого выстраивалось будущее России, а сама эта интерпретация становилась частью

общего исторического сознания народа. Со временем появлялась новая интерпретация, которая дополняла, развивала или же заменяла собой предыдущую. Но в любом случае эта интерпретация становилась важнейшим фактором дальнейшего движения России и русского народа по историческим дорогам.

На каких принципах может строиться новая интерпретация истории России? Сегодня общепринято считать, что единственно верным является научное знание истории, то есть научная интерпретация, ибо именно научное историческое знание, основанное на критическом осмыслении источников, представляет некое объективное видение исторических событий. Следовательно, научное знание – это вершина исторического сознания народа. Иначе говоря, на первый план выдвигается именно *знание, обоснованное рационалистическими, научными методами.*

В подобном убеждении есть большая доля истины, однако не следует думать, что историческое сознание народа можно свести лишь к научному знанию. Всё-таки историческое сознание народа намного более сложное явление, нежели какая-либо из научных интерпретаций истории. Больше того, научное знание и не может претендовать на то, что сумеет вытеснить из исторического сознания народа всякую историческую память. Прежде всего потому, что наука не является обладательницей абсолютной истины, ибо наука – это собрание относительных истин (концепций, теорий, гипотез), каждая из которых основывается на определённой системе рациональных доказательств. Научное понимание любого предмета познания, в том числе и истории, предполагает равноправное существование различных трактовок, различных интерпретаций одних и тех же сюжетов. Вот почему не существует и, скорее всего, даже не может существовать “единственно правильной” и на все века принятая научной интерпретации истории вообще и отечественной истории, в частности. Обязательно параллельно или вслед существующей появится другая научная интерпретация, создатели которой будут считать её столь же “единственной” и “правильной”. А там и до третьей недалеко, до четвёртой, и так до бесконечности.

Собственно, именно так обстоит дело в науке вообще и в исторической науке, в частности: одновременно сосуществуют различные интерпретации как всей истории России, так и отдельных исторических периодов, сюжетов, событий, а сама историческая наука – это поле постоянной, непрекращающийся дискуссии. При этом различные интерпретации истории разнятся не только по степени приближения к исторической правде, но и по своим задачам, целям, по уровню общественного влияния и т. д. И по-другому в науке быть не может, да и не должно быть. Наука ведь только предлагает власти и обществу разные решения, разные пути, разные интерпретации прошлого, однако любой более или менее окончательный выбор – за самим обществом и властью. Впрочем, так было всегда, во все времена и у всех народов.

Следовательно, только *рациональное историческое знание* нельзя считать *единственной формой* единого исторического сознания. Но тогда какую именно интерпретацию истории можно рассматривать как основу для сохранения и развития единого исторического сознания народа? В данном случае *главным критерием* является **необходимость сохранения и дальнейшего существования народа в истории, а значит, на первый план выходят такие понятия, как субъектность народа в истории, национальный и духовный суверенитет, традиционные ценности, национальная, религиозная, социальная, политическая самобытность и др.** В таком случае меняется и понимание самой науки истории. С традиционалистско-консервативной точки зрения, **история – это наука, раскрывающая смысл исторического развития, а значит, наука о том, как с помощью знания и понимания прошлого устроить жизнь настоящую и будущую во имя жизни вечной.**

С этой точки зрения оказывается, что далеко не все интерпретации истории “одинаково полезны”. К примеру, одни интерпретации могут служить укреплению и становлению народа, формированию его единого исторического сознания, выработке и утверждению идейных, духовных, социально-политических основ народного бытия. Другие же, наоборот, своим гиперкритицизмом или же ориентацией на иные, не традиционные для России ценности могут способствовать дальнейшей атомизации и российского населения, и Российского государства.

Есть и ещё один сложный момент. Как уже говорилось, разные интерпретации истории как важнейшие составляющие исторического сознания по-разному

вливают на дальнейшее историческое развитие страны и народа. В частности, первые две официальные интерпретации отечественной истории (возникшие, соответственно, в XII-м и в XVI вв.) сыграли выдающуюся роль в истории России, обеспечили идейное и духовно-политическое становление и развитие русского народа и Российского государства. Но обе эти интерпретации не были научными. И первая, и вторая интерпретации истории были построены не столько на фактическом материале (хотя и с использованием определённых фактов), сколько на религиозной истине и исторических мифах, иногда даже созданных русскими любомудрами и затем введённых ими в историко-политический обиход. Например, в начале XVI века усилиями ряда русских мыслителей (по имени мы знаем только одного из них – некоего Спиридона-Савву) была создана мифологизированная версия происхождения династии Рюриковичей от римского императора Августа, которая считалась абсолютной истиной в XVI–XVII вв. и даже была перенесена на новую царскую династию Романовых, не имевших к Рюриковичам никакого отношения. Казалось бы, наши предки сильно погрешили против “исторической правды”. Но вот парадокс! Именно эти духовно-политические концепты и историко-мифологические сюжеты стали идейной основой всей будущей Российской империи и идейным обоснованием прорыва России в мировое пространство. Иначе говоря, подобный подход к осмыслению истории и утверждению подобного понимания российской истории в общественном сознании сыграли немалую, а иногда и решающую роль в мощном поступательном движении России по историческим дорогам.

И, наоборот, возникшее в XVIII–XIX вв. научное, то есть “правильное”, “критическое” (иногда – гиперкритическое) отношение к собственной истории, отказавшееся, казалось бы, от исторических мифов, сыграло свою значительную роль в подготовке крушения и Российской империи, и комплекса традиционных русских ценностей в начале XX века. Та же история повторилась и в конце XX столетия: “марксистская” интерпретация истории, при всей своей претензии на научность, оказалась насквозь, сплошь мифологичной. Но снова парадокс: именно этот советско-марксистский исторический миф в своё время значительно помог социалистическому строительству в России, однако со временем он утерять свои творческие силы, и единое историческое сознание советского народа, сформированное марксистской схемой, разрушилось под напором иных научных интерпретаций истории. А вслед за тем рухнул и Советский Союз.

Казалось бы, эти примеры доказывают обратное тому, что утверждает автор: научное историческое знание демонстрирует своё громадное преимущество перед мифологичностью традиционного исторического сознания, а значит, в современную эпоху только наука и может служить основой общенародного восприятия прошлого. Но следует иметь в виду, что утверждение истинности только рационального подхода к изучению истории – это или искренне заблуждение, или же намеренный обман. Заблуждение или обман заключаются в том, что всякая научная интерпретация также не лишена мифологии, тем более если эта интерпретация является частью некой исторической концепции, построенной на определённых религиозно-философских методологических основаниях. А всякая абсолютизация какой-то одной научной интерпретации истории – это уже целенаправленное создание очередного мифа, может быть, нового, а может, возрождение какого-то старого.

Иначе говоря, **противоречие между традиционным и научным представлением об истории не разрешается в результате победы одной из интерпретаций над другой, потому что в этом случае всего лишь торжествует какой-то очередной миф, причём с претензией на абсолютное преобладание.**

Все эти рассуждения вовсе не означают, что научное понимание истории – это плохо, а мифологическое представление – хорошо (или наоборот). Это всего лишь напоминание о том, что упование на всемогущую науку и человеческого рационального знания вообще – это тоже миф⁷. И ограниченность научного понимания окружающего мира и, в частности, ограниченность научного понимания истории нужно принимать как таковую. Поэтому строго научное представление об истории – это всё-таки дело относительно узкого круга профессиональных историков, которые понимают всю сложность и неоднозначность исторического познания, владеют специальными методами и методологиями и готовы к обоснованной защите своей точки зрения в дискуссиях со своими столь же подготовленными коллегами.

Но если говорить об историческом сознании народа, о том, как себе представляет историю большая часть общества, то здесь невозможно обойтись без признания того, что в этих представлениях значимую роль продолжает играть *историческая мифология как важнейшая часть общей исторической памяти*, а значит, и единого исторического сознания. И в этом нет ничего плохого и страшного. Попытаться превратить историческую память в исключительно “научную” – это не только очередной миф, но и разрушение исторической памяти, а значит, уничтожение народа, намеренное разрушение его национальной и духовно-политической идентичности.

Думается, что нынешнее поколение отечественных историков стоит перед необходимостью разработки и создания новой интерпретации русской истории, такой интерпретации, которая смогла бы стать идейной основой возрождения народа, помогла бы народу осознать своё место в новом мировом пространстве и которая была бы основана не только на научном знании, но и на традиционных ценностях русского народа и всех народов России⁸.

* * *

Если же говорить о процессах интеллектуального освоения истории в русской традиции, то здесь необходимо осознавать роль и место православного понимания истории.

Вообще, понятие “история” имеет тройное значение. Во-первых, история – это процесс жизни человечества, народов, отдельных личностей. Во-вторых, история – это наука, которая изучает этот процесс. И, наконец, в-третьих, история – это учебная дисциплина, основывающаяся на научно-историческом знании.

Разница между наукой историей и историей как учебной дисциплиной очень велика. В процессе обучения истории основное внимание уделяется накоплению знаний, при этом знаний, в той или иной степени общепризнанных, устоявшихся. В исторической науке дело обстоит совсем иным образом: историческая наука – это поле многообразных научных дискуссий, причём наличие единого мнения историков – большая редкость. Даже многие исторические даты, особенно в древней русской истории, нужно ещё доказывать. А большинство исторических событий и их оценка – это предмет споров, иногда очень ожесточённых.

История как наука не занимается изучением и поиском только фактов. *Настоящая задача истории – поиск закономерностей развития человеческого общества*. А в основе исторического познания лежит понятие “проблема”, иначе говоря, историку нужно уметь видеть противоречивость исторического бытия. И здесь важно понимать, что мир вообще крайне противоречив, а уж мир истории, наполненный противоборством людских мнений, интересов, устремлений – тем более. И с одним знанием фактов, событий, дат в истории не разберёшься, скорее, наоборот, окончательно запутаешься.

Но даже знание исторических проблем ситуацию не спасает, ибо проблем много, а их разрешений ещё больше! И это обстоятельство обязательно нужно понимать: *история как наука – это не абсолютно-истинное знание о прошлом, а совокупность научных проблем, совокупность исторических взглядов, концепций, гипотез, теорий*.

И вот чем больше погружаешься в изучение истории, тем больше укрепляешься в том мнении, что история как наука базируется не только (и не столько!) на знании (которое, конечно же, необходимо и составляет основу исторической науки), сколько на понимании исторического процесса. А это значит, что историк должен стремиться к осознанию смысла как всего исторического процесса, так и отдельных исторических событий.

Но понимание смысла истории зависит не только от знаний или научно-теоретических представлений самого учёного или любого человека, стремящегося к познанию истории, сколько от его религиозно-философского мировоззрения, а ещё точнее – от его веры. Поэтому наука история теснейшим образом связана и с философией, и с религией.

Если человек верит в то, что Бога нет, является последовательным материалистом, то и история представляется ему исключительно в виде деятельности людей. И если такой человек хочет увидеть смысл истории, то он осознает лишь

некую плоскую объективно-материалистическую необходимость. Тогда в исторической науке начинает главенствовать экономика, социология и политика как важнейшие факторы исторического развития. А движение истории предстает таким прямолинейным процессом, развивающимся от низшего к высшему — от низших форм экономики и общественного устройства к высшим. И всё. Одно время таковым высшим социально-экономическим строем у нас почитался коммунизм, теперь вот — некое постиндустриальное общество. Но перемена названия сути не меняет. Целью исторического развития в обоих случаях объявляется общество, в котором человек будет обладать максимумом материальных благ и жить на Земле с максимальным социальным и бытовым комфортом.

В том случае, когда историк ни во что не верит, объявляет себя агностиком (то бишь на самом-то деле верит, но только в самого себя), то он отказывается и от признания каких-либо длительно действующих исторических закономерностей. Но тогда и сама история теряет всякий смысл, ибо оборачивается хаосом поступков и процессов, друг с другом никак не связанных. В лучшем случае такой историк может более или менее связно пересказать исторические факты, а вот найти и проследить связи между этими фактами — вряд ли, да и не считает он это необходимым делать.

Оба указанных подхода к изучению истории были очень популярны в XIX–XX вв., да и сегодня остаются главенствующими в исторической науке. Но у обоих этих подходов есть общая негативная черта — они или полностью отрицают, или же низводят до второстепенных духовные факторы исторического развития.

Однако человек — это существо не только экономическое или социальное, а ещё и духовное. Ведь человек не просто копошится в хаосе исторических событий, а живёт ради какой-то цели и во имя какого-то смысла. И вот здесь и возникает эта непреложная связка — духовность и смысл. Человек всегда живёт во имя чего-то, всегда добивается какой-то цели и в этом видит смысл своей жизни. И всякий народ тоже живёт ради какой-то цели и во имя какого-то смысла.

Эти целевые и смысловые установки человеческого бытия не появляются ниоткуда, из небытия. Более того, ни сам человек, ни даже целый народ не могут придумать себе смысл своего бытия, а если и придумывают, то потом бывают за это жестоко наказаны, ибо ложным пониманием смысла своего бытия люди уничтожают самих себя.

Откуда же берётся смысл бытия человека и человечества? Ответ может быть только один — смысл бытия даруется Свыше, ибо он вложен в человека и человечество. В свою очередь, понятие “смысл истории” подразумевает то, что и у истории есть некая цель, к которой стремится человечество в ходе своего развития. А это значит и то, что смысл истории также дарован Свыше, вложен в человека, в народ, во всю человеческую историю Господом. Поэтому мы вправе утверждать, что, помимо иных, “человеческих” факторов исторического развития (экономического, социального политического и др.), существует ещё один фактор — духовный.

Эту глобальную суть смысла бытия и объясняет людям религия, потому что чистая рационалистическая наука этого объяснить просто не может — это не её задача. Более того, драма и даже трагедия чистой рационалистической науки и заключается в том, что такая наука, оторвавшись от религии, стремится сама сформулировать для людей смысл их бытия и... оказывается бессильной это сделать. И тогда оказывается, что чисто рационалистическая наука предлагает людям... ложные цели и ложный смысл бытия. Но ведь это означает и другое — сама наука без религии оказывается ложной. Зато настоящая наука начинается тогда, когда она осознаёт свою неразрывную связь с религией.

Вот такой, казалось бы, парадокс. Казалось бы, наука не имеет ничего общего с верой, которая, прежде всего, утверждает истинность Божественного, Сверхъестественного и Чудесного. Ведь наука — это рациональное изучение действительности, то есть познание с помощью человеческого разума так называемых “естественных законов”. На самом деле, главное противоречие между наукой и верой лежит в иной плоскости — это противостояние двух форм религиозного сознания. Ведь наука — это тоже вера, то есть форма религиозного сознания. Только это вера в человека, в его разум, в его способности. Иначе говоря, наука — это часть всеобщей религии человекобожия, созданной ещё в Эпоху Возрождения.

Вообще, всякое знание как результат научной деятельности имеет в своей основе веру в истинность этого знания, веру в истинность рациональных доказательств. Именно поэтому, кстати, в науке существует столько различных, противоречащих друг другу теорий и концепций, а сама наука (то есть рациональное знание) есть совокупность концепций – приверженность к той или иной концепции определяется верой в её истинность. А так как каждый учёный верит в свою истину, то и самих истин оказывается множество. *Наука как совокупность множества концепций есть совокупность множества относительных истин при отрицании абсолютной истины или же максимум при скептическом отношении к существованию абсолютной истины.* Однако если наука отрицает или скептически относится к существованию абсолютной истины, то о какой абсолютной истинности самой науки может идти речь?

Для человека, исповедующего традиционную религию, в частности, для православного человека, понятно: если Господь попустил возникновение науки, значит, Он вложил в это какой-то смысл. И если наука в своё время отвернулась от религии как носительницы абсолютной истины, но продолжает оставаться сегодня вполне реальной и актуальной силой, то наша задача состоит в том, чтобы вернуть науку в лоно истинной, традиционной религии, туда, откуда она, собственно говоря, и вышла. Иначе говоря, необходимо повернуть науку лицом к абсолютной истине и вернуть абсолютную истину в науку. Поэтому можно более образно сказать, что сейчас стоит задача воцерковления науки, как и, кстати, воцерковления образования.

Признание первенства религиозной абсолютной истины не означает огульного отрицания науки как совокупности истин относительных. Следовательно, необходимо соединение науки и традиционной веры. Можно ли это сделать? Можно ли соединить принцип критического восприятия всего (а это главный научный принцип, недаром у К. Маркса и Ф. Энгельса одна из работ называлась “Святое семейство, или **Критика критической критики**”) с религиозным догматом, то есть признанием того, что есть некие вещи, не подлежащие критике вообще? На самом деле, можно. И основа, база такого соединения – диалектика, диалектическое восприятие действительности. Именно диалектика позволяет нам понять, что традиционная вера и наука – это две противоположности, находящиеся в диалектическом единстве. Более того, именно на уровне диалектики наука и совпадает с верой.

Человеческий разум уже давно понял теснейшую связь науки с верой, что нашло своё выражение в многочисленных научно-идеалистических философских теориях – в учениях Платона, Аристотеля, Плотина, Канта, Гегеля, Фихте... Кажется, ничего больше не надо придумывать, и так уже всё в науке есть. Но в данном случае возникает одно большое заблуждение. Каждый из названных и неназванных здесь философов был плоть от плоти своего народа, своей истории, своей культуры, своей религии. Поэтому их философские системы представляют собой интеллектуальную аккумуляцию жизненного, религиозного, бытового, социального и т. д. опыта своих народов, своих культур, своих традиций. Следовательно, вполне пригодные для понимания и осмысления исторического развития одного или группы народов, эти философские системы оказываются бессильными, когда их накладывают на совершенно иной исторический, религиозный, бытовой, социальный опыт. И если все названные выше философские системы так или иначе применимы в данном случае к западноевропейскому историческому опыту, то относительно России... В России это понимали давно, недаром появилась пословица – “со своим уставом в чужой монастырь не ходят”.

Главная методологическая проблема познания истории России вот уже на протяжении трёх веков, с того самого момента, как в XVIII в. возникла российская историческая наука, и заключается в том, что отечественную историю изучали с позиций иного исторического опыта. Уже первый русский историк В. Н. Татищев предложил в основу исторической методологии положить принципы теории “естественного права”, разработанной в западноевропейских учёных кабинетах в XVII–XVIII вв. И затем какие только философские системы не использовались при познании нашего прошлого: гегельянство, кантианство, неокантианство, марксизм, позитивизм... Только славянофилы в XIX столетии, а затем мыслители из плеяды “русских консерваторов” (Данилевский, Леонтьев, Тихомиров и др.) попытались разработать самостоятельные принципы исторического познания, основанные на православной истине. Но, к сожалению,

их разработки так и остались невостребованными в отечественной исторической науке.

Однако именно русские мыслители этого круга первыми в полный голос заявили, что русская история многие века основывалась на Православии, а само Православие формулировало важнейшие смысловые и целевые установки бытия русского народа. А это означает, что когда мы начинаем изучать русскую историю, то без православного понимания, без православного отношения к самой жизни мы никогда в полной мере не поймём и жизнь наших предков, никогда не осознаем, во имя чего они жили, трудились, умирали...

* * *

Итак, если мы говорим о познании и изучении истории, то следует согласиться с очевидным: история человечества вообще и история России, в частности, развивается под воздействием многих факторов – природно-географического, духовного, политического, социального, этнополитического... При этом в отечественной истории духовный фактор всегда играл первенствующую роль. А так как ведущей религией в России было Православие, то нужно, в первую очередь, вспомнить важнейшие религиозно-философские и духовно-политические идеи, которое принесло человечеству христианство и, исходя уже из этих идей, сформулировать тот самый православный взгляд.

Несомненно, важнейшая идея христианства – это *идея единого Бога*. Показать людям существование могущественного и единственного Бога, а также доказать им необходимость веры в Него – это и одна из главных задач христианства. Поэтому вся Библия проникнута духом *монотеизма*. Первая и главная из десяти заповедей, дарованных Господом Моисею, так и звучит: “Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим” (*Втор. 5:7*). И далее: “Не поклоняйся им и не служи им; ибо Я Господь, Бог твой” (*Втор. 5:9*). Об этом же говорит и Иисус, отвечая на вопрос книжника о том, какая заповедь первая из всех: “Господь Бог наш есть Господь единый” (*Мк. 12:29*). В этом заключается основное отличие христианства от языческих религиозных верований. Если языческие религии были политеистическими, то есть они признавали существование многих богов, то христианство – это строго монотеистическое мировоззрение. И именно монотеизм христианство почерпнуло в иудаизме.

Но христианство кардинально отличается и от иудаизма, и от любой иной монотеистической религии тем, что христиане верят в *Бога, единого в Трёх Лицах: Бога-Отца, Бога-Сына и Бога Духа Святаго*, то есть воспринимают Господа как *Святую Троицу*. В соответствии с многовековой вероучительной традицией образ Святой Троицы присутствует в Ветхом завете в 18-й главе книги “Бытие”, где рассказывается о явлении праотцу Аврааму и его жене Сарре трёх мужей-ангелов: “И явился ему Господь у дубравы Мамре, когда он сидел при входе в шатёр, во время зноя дневного. Он возвёл очи свои и взглянул, и вот, три мужа стоят против него...” (*Быт. 18:1–2*). Господь, принявший образ трёх ангелов и явившийся Аврааму, носит ещё одно именование – “*Троица Ветхозаветная*”.

Для христианства характерен *теоцентризм* – Господь является центром всего в мире: веры, мышления, познания и т. д. Иисус, продолжая свой ответ книжнику, говорит: “И возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душею твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею” (*Мк. 12:30*).

Восприятие Бога как единственной и всемогущей мировой силы оказало влияние и на космологическую концепцию христианства. В основе этой концепции лежит *идея творения*. Если в античных религиях и древнегреческой философии, в мифологии других народов говорилось о том, что мироздание возникло из чего-то, и первоначалами космоса виделись некие божественные, но в то же время и природные объекты, то в христианстве Господь Бог творит мироздание из ничего. Начало мира – это Сам Бог, Который Своим словом, Своим желанием творит, создаёт весь мир: “В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Всё через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть” (*Ин. 1:1–3*). Более того, Господь не просто сотворил мир, но присутствует в каждом его движении, ибо всё, что происходит в мире, есть Промысел Божий.

С философской точки зрения, христианская идея творения снимает вопрос, который был одним из основных, например, в древнегреческой философии:

что такое бытие? Господь и есть несотворенное, вечное бытие. Всё остальное – это сотворённое одним Его Словом бытие и являющееся бытием потому, что Бог этого пожелал.

Непосредственно связанной с идеей творения оказывается и *идея откровения* – любое знание, доступное людям, есть Божественное Откровение; всё, что люди знают о мире, о себе и о Боге – всё это открыто им Самим Богом, ибо всякое знание тоже является результатом Божественного творения. Поэтому в христианском понимании вера в Бога, в его абсолютное всеисие и всезнание не просто выше всякого собственно человеческого знания, а является единственным истинным знанием. Апостол Павел так формулирует эту мысль в Первом послании Коринфянам: “Мудрость мира сего есть безумие пред Богом” (1-е Кор. 3:19). Впоследствии христианская Церковь сформулировала основные, с её точки зрения, знания о мире, человеке и о Боге в виде догматов – своеобразных установлений, истинность которых принимается без доказательства. Эти догматы не могут быть опровергнуты, ибо являются Словом и Волей Божией.

Бог, создав первых людей, Адама и Еву, наложил на них единственный запрет – не прикасаться к плодам дерева, которое даёт знания. Люди же, подстрекаемые змеем, вкусили этих плодов и тем самым попытались сами стать богами. Змей говорил им: “В день, который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло” (Быт. 3:5). Вкусив плоды с дерева познания, Адам и Ева совершили первое грехопадение. Грех в христианском понимании – это нарушение установленных Богом законов и запретов. И первый же самостоятельный поступок людей оказался греховным. Отсюда вытекает ещё одна важнейшая христианская идея – *идея грехопадения*.

С христианской точки зрения, человечество изначально греховно. Бог создал людей для вечного счастья, но они сразу же нарушили Божественную волю. За это, по воле Господа, греховность Адама и Евы была распространена на всё их потомство. И вся дальнейшая история человечества, по Библии, – это борьба немногих праведников, познавших Божественную истину, за распространение Слова Божиего в сердцах и душах остальных людей, погрязших в своей греховности, борьба за спасение человечества.

Спасение необходимо потому, что, по христианским убеждениям, история человечества конечна. *Учение о конце мира* – это тоже одна из главных идей христианства. Земной мир, земная жизнь людей – это их временное пребывание. По убеждению христиан, со временем грехи переполняют человеческую жизнь, и явится антихрист, посланник сатаны. Антихрист воцарится на земле, но его торжество будет недолгим. Сын Божий во второй раз придёт к людям (Второе Пришествие), и вместе с ним на землю сойдёт небесное воинство во главе с Михаилом Архангелом. По призыву Господа под знамёна небесного воинства встанут все, оставшиеся верными Христу, и вступят в Последнюю битву с антихристом и всеми силами Зла. А после победы в этой битве Господь призовет людей на последний, Страшный суд, на котором всем будет вынесен окончательный приговор. Истинно верующих Господь призовет в свои божественные чертоги и дарует им вечную жизнь, а нераскаявшихся грешников обречёт на вечные мучения. Яркая картина этой последней битвы, Апокалипсиса, представлена в “Откровении Иоанна Богослова”.

Но кто достоин спасения? И как человек может спастись? Многовековая история, изложенная в Ветхом завете, показала, что люди, в силу своей изначальной греховности, постоянно отворачиваются от Бога. И здесь в Библии возникает фигура Сына Божиего, Спасителя, посланного Самим Господом к людям, чтобы дать им последний и окончательный Завет. “Ибо Он спасёт людей Своих от грехов их”, – говорится в Евангелии от Матфея (Мф. 1:21). Иисус Христос Своей земной жизнью, мученической смертью и посмертным воскрешением показывает всем пример истинной жизни и истинного спасения – человек может спастись только тогда, когда он на протяжении всей своей земной жизни искренне и беззаветно соблюдает все Божественные заповеди.

В этом смысле очень важна христианская *идея о богочеловеческой природе Иисуса Христа*. Иисус – Сын Божий, Мессия, способный творить чудеса, рассказами о которых наполнены все Евангелия, единственный на Земле, кто абсолютно точно знает Божественную истину. Однако если бы Иисус был только Богом, Его Слово было бы далеко от сознания людей: что может Бог, то недоступно человеку. Сам Иисус говорит: “Отдавайте кесарево кесарю, а Божие – Богу” (Мк. 12:17).

Но Иисус не только Бог, он ещё обладает и человеческим телом — Он Бого-человек. Иисус претерпевает страшные телесные страдания во имя Божие. Более того, Он знает о том, что будет подвергнут мучительной казни, что тело его будет истекать кровью. Он знает и предрекает свою телесную смерть. Но Иисус не страшится её, ибо знает и другое — телесные муки ничто по сравнению с вечной жизнью, которую дарует Ему Господь за стойкость духа, за то, что в земной, телесной жизни Он ни на секунду не засомневался в истинности Своей веры.

Человеческие, телесные страдания Христа во славу Бога, столь ярко описанные в Новом завете, свидетельствовали обычным людям, что Сам Господь снизошёл до их человеческой природы и показал им пример настоящей жизни. Именно поэтому личность Иисуса Христа оказалась столь близка огромному количеству людей разных племён и народов, уверовавших в то, что за все их земные мучения будет дано Божественное воздаяние, воскресение после смерти телесной и жизнь вечная, если они будут блюсти Божии заповеди.

Эти заповеди, которые Господь даровал ещё Моисею, изложенные в Ветхом завете, Иисус заново приносит людям. В заповедях Иисуса и заключено, собственно, окончательное и последнее Слово Божие человеку. По сути дела, в них излагаются основные правила человеческого общежития, соблюдение которых позволит всему человечеству избежать войн, убийств, насилия вообще, а каждому отдельному человеку — прожить земную жизнь праведно.

Разница же заповедей в их ветхозаветном и новозаветном толкованиях в том, что в Ветхом завете Божественные заповеди носят форму Закона, который Бог требует соблюдать только от евреев, а в Новом завете Иисус несёт не закон, но Радостную Весть, Благодать и обращается уже ко всем, уверовавшим в Бога, как бы показывая, что Господь примет под своё покровительство каждого, кто проникся верой в Него.

Когда Иисуса спросили о главных Божественных заповедях, первой он назвал *любовь к Богу*, а второй — *любовь к ближним своим*: “Возлюби ближнего твоего, как самого себя”. И продолжил: “Иной большей сих заповеди нет” (Мк. 12:31). По сути дела, в христианстве произошла одна из самых глобальных переоценок ценностей в истории человечества. Языческие идеалы с их культом реальной, плотской жизни, культом человеческого тела оказались полностью перечёркнуты христианством. “Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное... Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю... Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное...” — говорит Иисус (Мф. 5:3–11).

Смирение, полное и добровольное подчинение самого себя Божественному Провидению — вот что становится основной христианской добродетелью. Идеал христианина — жизнь во Христе и во имя Христа. Без помощи Господа человек не может ничего. Недаром Иисус говорил: “Пребудьте во Мне, и Я в вас... Если пребудете во Мне и слова Мои в вас пребудут, то, чего ни пожелаете, просите, и будет вам... Как возлюбил Меня Отец, и Я возлюбил вас; пребудьте в любви Моей” (Ин. 15:4–9).

Основой такой жизни в христианстве становится любовь. Но эта любовь не имеет никакого отношения к любви в её языческом понимании как Эроса, плотского чувства. Христианская любовь — высшая духовная ипостась человека. Именно на любви — любви к Богу и другим людям — покоится всё здание христианской морали. Иисус в Новом завете дарует людям новую заповедь: “Да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга” (Ин. 13:34). “Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих” (Ин. 15:13).

Но “больше той любви” нет среди людей. Источником же человеческой любви может быть только Бог. Поэтому центром, средоточием любви вообще является Сам Бог, ибо только воистину возлюбивший Бога способен на любовь к другим людям: “Если заповеди Мои соблюдёте, пребудете в любви Моей, как и Я соблюл заповеди Отца Моего и пребываю в Его любви” (Ин. 15:10).

Не менее значимы оказались христианские идеи, связанные с политическим устройством общества. В течение многих веков и мыслители, и правители, и простые люди искали ответы на вопрос об идеальном политическом строе именно в Библии.

Как рассказывается в Библии, древние иудеи долгое время жили под непосредственной властью Господа, а божественные указания им передавали судьи. Но в какой-то момент люди оказались недовольны судьями, ибо судьи стали пользоваться собственным исключительным положением. И тогда древние

иудеи потребовали у судьи Самуила, чтобы тот испросил у Бога царя. Самуил долго молился. В ответ на молитву Господь ответил Самуилу: “Ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ними; ...представь им и объяви им права царя, который будет царствовать над ними” (1 Цар. 8:7–9). Бог устанавливает и права царя: царь владеет всем в своём царстве и свободно распоряжается имуществом своих подданных; обладает полной властью; предводительствует воинству; является единственным судьёй; жители царства – рабы царя (1 Цар. 8:10–17). Устанавливает Господь и царские обязанности: царь – защитник народа; ответчик за народ перед Богом; помазанник Божий (1 Цар. 9:15); хранитель истинной веры (3 Цар. 11:38).

Если царь исполняет волю Бога, то его царство укрепляется. В том случае, если царь отступает от Божественных повелений, царя и народ ждёт Божий гнев. При поставлении царя Бог говорит народу через пророка Самуила: “И восстаете тогда от царя вашего, которого вы избрали себе; и не будет Господь отвечать вам тогда” (1 Цар. 10:18). Божественное помазание не означает сакрализации самой личности царя – неугодного царя Бог может заменить и другим. Однако в Ветхом завете присутствует и сюжет покаяния негодного царя, а с ним и всего царства (яркий пример – царь Манассия, который “делал негодное в очах Господних”, был наказан нашествием врагов и пленением, раскаялся и был возвращён на своё царство, а народ тем самым был спасён от врагов).

Существует и обратная зависимость: если народ будет верен Богу и будет служить Ему от всего сердца, то Бог не оставит народ; но если народ будет творить зло, то погибнет и царь, и народ. “Если будете бояться Господа и служить Ему, ...то рука Господа не будет против вас; а если не будете слушать гласа Господа и станете противиться повелениям Господа, то рука Господа будет против вас” (1 Цар. 12:14–15).

Таким образом, идеальным общественным устройством, по Библии, может считаться *Боговластие* или *теократия*. Отказ людей от Боговластия означает, что люди впали в грех и отказались от непосредственной власти Бога. Древние иудеи сами признают этот грех, говоря Самуилу: “Ибо ко всем грехам нашим мы прибавили ещё грех, когда просили себе царя” (1 кн. Цар. 12:19). Так возникает монархия – политический строй, дарованный людям Господом по их собственной просьбе. При этом царём может быть только тот человек, на которого укажет Господь, главным источником власти царя является Божия воля, сама власть монарха должна рассматриваться подданными как богоданная, а подданные – это рабы царя. Таким образом, следует учитывать, что монархия – это вовсе не идеальная форма власти, но лучшая из возможных.

Новозаветное понимание власти также включает в себе признание её богоустановленного характера. “Нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены” (Рим. 13:1). При этом Господь – это “владыка царей земных” (Откр. 1:4), а носители власти на земле являются “Божиими служителями”, призванными поощрять добродетельных и наказывать преступников (“начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых” (Рим. 13:3).

От правителя требуется быть “верным и благоразумным домоправителем”, заботящимся о вверенных ему Богом людях. Чем большей властью обладает правитель, тем бóльшая ответственность на него возлагается: “И от всякого, кому дано много, много и потребуется, и кому много вверено, с того больше взыщут” (Лк. 12:48). Подданные, в свою очередь, обязаны подчиняться правителям (“Всякая душа да будет покорна высшим властям”), платить установленные подати (“отдавайте всякому должное: кому подать – подать; кому оброк – оброк...”), воздавать необходимые почести (“...кому страх – страх, кому честь – честь”), оказывать послушание (“Противящийся власти противится Божию установлению” (Рим. 13:2).

Послушание начальствующим (а значит, и властям) становится не просто указанием, за невыполнение которого может последовать наказание, а нравственной заповедью, призывом к добросовестному и честному исполнению своего общественного долга. “И если в чужом не были верны, кто даст вам ваше?” (Лк. 16:12); “Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу, не с видимою только услужливостью, как человекоугодники, но как рабы Христовы, исполняя волю Божию от души” (Еф. 6:5–6); “И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести” (Рим. 13:5). Тем не менее принцип повиновения властям

теряет своё значение тогда, когда общественные нормы, учреждаемые властью, вступают в противоречие с евангельским учением. В этом случае долгом христианина становится противоление властям, осуществляемое в мирных формах.

Как видно, новозаветное понимание власти отличается от ветхозаветного тем, что, главным образом, делает акцент на духовно-нравственной основе любых властных отношений, предлагает общие нравственные нормы общественных отношений, тогда как в Ветхом завете большее внимание уделено вопросам легитимности власти и детальной регламентации различных сторон политической жизни.

Религиозно-философские и духовно-политические идеи, изложенные в Библии, поставили перед человечеством совершенно иные, новые цели по сравнению с теми целями, которые были разработаны в религиозно-мифологических и философских учениях античности, в языческой мифологии других народов. Христианство не только перевернуло представления человека о Боге, о мире, об обществе, но и развернуло совершенно новую концепцию самого человека, его способностей и жизненно важных идеалов. Христианство изменило отношение людей к самому времени, ибо с тех пор, как христианство стало господствующей религией у всех европейских народов, само летоисчисление стало вестись или от момента библейского сотворения мира (в России такое летоисчисление, как известно, существовало до начала XVIII века), или же от Рождества Христова. И недаром христианские народы называют период времени, начавшийся с Рождества Христова, новой эрой.

* * *

Опираясь на христианское вероучение, но при этом используя элементы рационального, научного подхода, вполне можно предложить некоторые принципы православного понимания истории.

Первый принцип: история есть воплощение Божественного Промысла. Следовательно, история имеет смысл и цель своего развития, а также законы развития, определяемые Божественным Промыслом.

Второй принцип: закономерности исторического развития проявляются в ходе исторической деятельности людей, ибо люди сотворены свободными. Историческая деятельность людей зависит от их сознания и воли. Но всякое сознание основано на вере, есть религиозное сознание, имеющее разные формы выражения. Следовательно, религиозное сознание является действенным катализатором исторического развития, оказывает реальное и непосредственное влияние на развитие конкретных исторических событий.

Третий принцип: историю необходимо понимать как реализацию в действительности Божественного Промысла, в виде сложного диалектического процесса взаимодействия сознания и бытия, общественного сознания и общественного бытия. При этом необходимо видеть ведущую роль именно сознания и, прежде всего, религиозного сознания в истории. Иначе говоря, деятельность человека определяется его сознанием. Поэтому необходимо осуществлять поиск смыслового содержания исторической деятельности людей, то есть отвечать не только на вопросы “как?” и “почему?”, но и на главный вопрос — “зачем?”. Исходя из ответов на этот вопрос — “зачем?”, — мы и можем осмысливать закономерности развития, как частные, так и общие.

Конечно же, перечисленные выше положения — это именно принципы, то есть некие общие методологические подходы. И настоящее раскрытие этих принципов возможно только в ходе конкретных исторических исследований, конкретного осмысления исторических событий. Но тем не менее, как представляется, осознание этих принципов необходимо.

Как необходимо осознание и ещё одного принципа. Он совсем не четвёртый, как вроде бы получается по счёту. Наверное, этот принцип следует назвать базисным:

Православие обеспечивает человеку вообще и учёному, в частности, мощнейшую нравственную основу, без которой наука превращается из орудия познания в орудие уничтожения.

Здесь мы и подходим к решению проблемы: что важнее — догмат или критическое восприятие действительности, которое иногда называют прогрессом науки, который вроде бы не остановить. Так вот, Православие, постулирующее

нравственные и вероисповедные догматы, помогает учёному понять, есть ли пределы знания, за которые он не имеет права заступать. Именно и только традиционная вера того или иного народа, а в нашем российском случае – именно Православие способно направить развитие науки в нужное человечеству русло и поставить преграды там, где эти преграды необходимы. А такие преграды – догматы – необходимы нам, людям, иначе мы можем уничтожить и собственное прошлое (как это не раз бывало, когда мы постоянно пересматриваем собственную историю), и собственное настоящее (клонирование, искусственный разум – конкретные тому примеры), но и будущее.

* * *

Однако рождается вопрос – как эти теоретические принципы воплотить в жизнь в тексте реального учебника истории России? При этом, во-первых, в тексте не одного, а минимум шести учебников (с 6 по 10 классы) и, во-вторых, в учебниках для общеобразовательной школы, где учатся дети разных вероисповеданий – православные, неправославные, придерживающиеся нехристианских и даже антихристианских убеждений. Казалось бы, это невозможно. Давайте разбираться. Для начала, опять же, немного истории и теории...

Что есть наше знание истории? Наверное, сегодня все уже понимают, что “абсолютно правильного”, “единственно верного” знания истории не существует, а есть различные интерпретации истории, которые разнятся не только по своему уровню приближения к исторической истине, но и по своим задачам, целям, по уровню общественного влияния и т. д.

К примеру, одни интерпретации истории могут служить укреплению и становлению народа, формированию его единого исторического сознания, выработке и утверждению идейных, духовных, социально-политических основ народного бытия. Такой была *первая известная нам письменная интерпретация отечественной истории*, выполненная в конце X – начале XII вв. русскими книжниками-летописцами, а также русскими религиозными мыслителями, а в ещё большей степени – *вторая интерпретация отечественной истории*, созданная в XVI в.

А вот интерпретации истории, возникшие в XVIII столетии и особенно в XIX веке, были уже иными, ибо преследовали иные цели: теперь России необходимо было “вписать” в новое мироустройство, основанное не на традиционных религиозных, а на рациональных началах. Поэтому существовавшие религиозные духовно-политические концепты отечественной истории всё меньше удовлетворяли новым идеологическим и философским веяниям. В результате в понимании истории постепенно утверждается так называемый “научный подход”, то есть *рациональный, критический взгляд на прошлое*. Наиболее ярко этот подход проявился уже в XX веке, когда большевикам потребовалось разработать собственное понимание истории, создать собственную, “марксистскую” интерпретацию. Именно тогда окончательно были сформулированы главные цели обучения истории с точки зрения научного подхода: 1) знания, то есть совокупность исторических фактов и причинно-следственных связей; 2) развитие у учащихся научного, то есть критического мышления; 3) воспитание у учащихся любви к своей социалистической Родине, патриотизма (то есть верность политическому режиму). Надо сказать, что этот подход продолжает сохранять господствующее положение и в нынешнем, XXI веке, только исчезло понятие “социалистическая”...

Каковы результаты понимания и, главное, подобного преподавания истории? В XIX–XX вв. чем больше развивалась в России система образования, чем больше становилось в стране образованных людей, чем большую силу набирал научный, светский подход к истории и, соответственно, только критическое отношение к прошлому, тем сильнее у образованных людей возникало желание... отказаться от собственной истории. Наиболее ярко это проявилось в шести попытках политических переворотов: 1825 год (“декабристы”), 60–80-е годы XIX века (“народники”), 1905–1907 годы (первая русская революция), февраль 1917 года, октябрь 1917 года и, наконец, рубеж 80–90-х годов XX века. Все эти события вызывались разными причинами и осуществлялись разными людьми, но имели одну общую черту: все они проходили под лозунгом “Отречёмся от старого мира!”. Впрочем, во второй половине XX века было ещё хуже, ибо

стремление “отречься” от собственного прошлого достигло полного абсурда, и теперь уже каждый новый правитель считал необходимым отказаться от своего предшественника: Хрущёв – от Сталина, Брежнев – от Хрущёва, Андропов и Горбачёв – от Брежнева, Ельцин – от Горбачёва. Таким образом, выявилась серьёзная проблема: **господство сугубо рационального, научного подхода к истории ведёт к разрушению единства исторического сознания нашего народа, более того, порождает у подрастающего поколения... неприятие, а то и ненависть к истории собственного Отечества.**

Поэтому сегодня нам стоит перевернуть нынешнюю систему преподавания истории с головы на ноги, то есть вернуть её в естественное состояние.

Во-первых, преподавание истории необходимо строить на нравственной основе, более того, именно нравственные уроки должны стать важнейшими целями исторического образования. Поэтому главное, что может и должен донести до детей учебный предмет “История” – это **любовь к своему Отечеству и к деяниям своих предков.** В таком случае знания и критическое мышление – не цель, но лишь средства обучения истории. Ведь какими бы ни были исторические деяния, какой бы ни была наша история – это **наша** история, **наше** прошлое, плохое, хорошее – всё равно **наше**. Вспоминаются слова Александра Сергеевича Пушкина: “Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал”. Вот эту идею мы должны донести до наших детей на уроках истории в первую очередь. Образно говоря: **сначала – любить, потом – знать.** А любовь, стоит напомнить, – это важнейшая христианская идея... **Поэтому возрождение сегодня в сердцах молодых людей любви к Отечеству – это первый шаг к возрождению в их сердцах любви к Богу...**

Во-вторых, необходимо признать, что единое историческое сознание нашего народа наряду с духовной, культурной и языковой общностью является важнейшей частью общенационального сознания. Во все времена опора на историческую память позволяла нашим предкам отрешиться от разногласий и сплотиться. Поэтому, наконец, пора уже понять и признать, что история как учебный предмет – это, прежде всего, поле освоения молодым поколением духовного и исторического опыта народа, приобщение к единому историческому сознанию народа. С помощью истории старшее поколение передаёт молодым опыт предков и свой собственный опыт. Для чего? Для того чтобы впоследствии сегодняшнее молодое поколение передало этот опыт последующим поколениям. Таким образом обеспечивается связь времён и поколений как важнейшее условие жизни, условие существования нашего народа на своей земле. И в этом смысле необходимо признать, что **история наряду с языком и литературой как явления стратегического порядка представляют собой средства, с помощью которых народ обеспечивает своё существование во времени, собственное самовоспроизводство.**

В-третьих, главной целью исторического образования должна стать как раз передача подрастающему поколению духовного и исторического опыта народа, опыта жизни народа на своей земле, в данных природно-климатических условиях при смене условий политических, экономических, социальных, идеологических, при этом опыта как положительного, так и отрицательного. Духовный и исторический опыт жизни народа на своей земле отшлифовывался веками и принял форму определённых ценностей, проверенных временем и выстраданных нашими предками и современниками. Можно выделить основные группы ценностей, которые были пронесены нашим народом на протяжении всей его многовековой истории и которые были ведущими мотивами преодоления практически всех кризисов, когда-либо наш народ постигавших: 1) духовно-нравственные ценности и, прежде всего, православная вера, которая, собственно говоря, и обеспечила основную ценностную ориентацию всего нашего общества и всей нашей истории; 2) социально-политические ценности (принципы организации общества); 3) трудовые ценности; 4) культурные ценности; 5) семейные ценности и некоторые другие (в своё время Всемирный Русский Народный Собор, проделав огромную интеллектуальную работу, ещё более конкретизировал “ценностный список”).

Наконец, исходя из уже накопленного и даже реализованного опыта, можно предложить ряд конкретных основополагающих установок, которыми необходимо руководствоваться при непосредственной подготовке текстов учебников по истории России для общеобразовательной школы.

Цели исторического образования:

- воспитание у школьников чувства любви к своей Родине, уважения к историческому пути России;
- освоение учащимися комплекса систематизированных знаний об истории Отечества, роли России как активного участника всемирной истории;
- развитие у учащихся исторического мышления, под которым понимается овладение конкретно-историческим подходом к событиям и явлениям прошлого, а также умение аргументированно выражать собственное отношение к дискуссионным проблемам истории;
- овладение учащимися умениями и навыками поиска и систематизации исторической информации, работы с различными типами исторических источников.

Методологические принципы исторического образования:

- изучение гражданской, церковной и духовной истории России как единого неразрывного процесса, каковым он и был в исторической действительности;
- история России развивалась под воздействием нескольких факторов: природно-географического, духовного, политического, социального, этнополитического; при этом признаётся, что духовный фактор является одним из ведущих в отечественной истории;
- значение духовного фактора в русской истории раскрывается через: а) историю идеи святости (сущность и история идеи Святой Руси; рассказы о жизни и подвигах православных святых X–XX вв.); б) повествование о роли Русской Православной Церкви и других традиционных религий в истории России; в) демонстрацию ведущей роли православного мировоззрения для большинства политических деятелей России; г) концепцию “духовного противостояния” между традиционным религиозным и светским миропониманием в XVIII–XXI вв.;
- важным содержательным направлением курса является раскрытие роли выдающихся деятелей отечественной истории, особенно тех исторических деятелей, чьё имя было связано с духовным подвижничеством;
- образность и эмоциональность изложения конкретно-исторического материала являются важными условиями изучения истории, особенно для учащихся 6–8 классов;
- необходимость внимательной работы учащихся с текстом учебника, возможность проводить уроки в виде комментированного чтения, составления конспекта параграфа и др.;
- необходимость работы учащихся с историческим документом как важнейшим источником исторических знаний, формирование у учащихся навыков критического анализа исторических источников;
- анализ различных точек зрения представителей исторической науки на те или иные исторические события и процессы как важнейшее условие развития самостоятельного мышления учащихся, умения формулировать собственный взгляд на исторический процесс, на оценку различных исторических событий.

Именно на основе данных принципов и установок в своё время был подготовлен учебно-методический комплект (УМК) по истории России для учащихся 6–11 классов общеобразовательных школ (авторы С. В. Перевезенцев, Т. В. Перевезенцева), изданный в 2009–2013 годах издательством “Русское слово” в рамках благотворительного образовательного проекта “Гордиться славою наших предков”⁹. Опыт работы на основе данного УМК свидетельствует об удивительной вещи: если дети любят своё Отечество, любят его историю, они хотят знать её как можно лучше и стремятся к знаниям. Не случайно названные учебники оказались очень информативными и содержали гораздо более значительный фактический материал, рассказывали о гораздо большем числе исторических деятелей, чем учебники по истории России иных авторов. Но главное – весь материал в учебниках объединён единым комплексом идей, теми самыми ценностями, и единым методологическим подходом. Поэтому возникла логичность, целостность и единство содержания как всякого параграфа любого учебника, так и всей линейки учебников по истории России с 6-го по 11 классы.

О востребованности подобного подхода к созданию учебников по отечественной истории свидетельствует новый проект тех же авторов, осуществляемый с 2019 года совместно с Русской классической школой. В рамках этого проекта в 2019–2022 годах вышел в свет полный комплект УМК по истории России для 6–11 классов¹⁰. Все учебные пособия соответствуют требованиям современных

ФГОС. При этом нужно отметить, что все учебные пособия в рамках данного проекта по сравнению с предыдущими изданиями значительно расширены и углублены, некоторые вообще написаны заново.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Традиционалистско-консервативная методология предполагает сохранение в современном мире традиционных идеалов, ценностей, религий, с опорой на национально-государственные интересы народов мира; подразумевает необходимость возрастания сложности мира, ибо только сложные системы способны не просто к выживанию, но и к самовоспроизводству, приспособлению к новым жизненным условиям. См. подробнее: Перевезенцев С. В. Русский выбор: Очерки национального самосознания. М., 2007.
- ² См. подробнее: Перевезенцев С. В. Истоки русской души: Обретение веры. X–XVII вв. М., 2015. С. 142–150.
- ³ Нужно отметить, что это разнообразие представлений о прошлом было во многом связано с тем, что население Древнерусского государства в этот период состояло из разных этнических групп, даже некоторые славянские племена (например, поляне и древляне) заметно отличались друг от друга по традициям и обычаям.
- ⁴ Например, первый русский историк В. Н. Татищев (XVIII в.) свою “Историю Российскойскую” писал, опираясь в основном на региональное летописание, а Н. М. Карамзин (XIX в.) при создании “Истории государства Российского” использовал, прежде всего, общегосударственное летописание. В результате у обоих историков трактовка одних и тех же событий заметно отличается. Эта черта характерна и для современной исторической науки: оценка тех или иных событий во многом зависит от привлечённых тем или иным исследователем источников.
- ⁵ См. об этом подробнее: Перевезенцев С. В. Родство по истории: Статьи. Очерки. Беседы. М., 2015.
- ⁶ Имеются в виду “Новая хронология” А. Т. Фоменко и Г. В. Носовского, “Русские веды” А. И. Асова и др.
- ⁷ См.: Ширинянц А. А., Васич В. Н. Политика. Культура. Время. Мифы. М., 1999; Ширинянц А. А. Миф и утопия демократии // Арзамасская сторона: Альманах. Выпуск 5. Арзамас, 2012. С. 386–392.
- ⁸ Вариант такой интерпретации отечественной истории представлен в работах автора: Перевезенцев С. В. Россия. Великая судьба. М., 2003; Перевезенцев С. В. Русская история: С древнейших времён до начала XXI века. М., 2018 и др.
- ⁹ См.: Перевезенцев С. В., Перевезенцева Т. В. История России с древнейших времён до начала XVI века: Учебник для 6 класса общеобразовательных учреждений. М., 2009; Перевезенцев С. В., Перевезенцева Т. В. История России. XVI–XVIII века: Учебник для 7 класса общеобразовательных учреждений. М., 2010; Перевезенцев С. В., Перевезенцева Т. В. История России. XIX век: Учебник для 8 класса общеобразовательных учреждений. М., 2011; Перевезенцев С. В., Перевезенцева Т. В. История России. XX – начало XXI века: Учебник для 9 класса общеобразовательных учреждений. М., 2012; Перевезенцев С. В., Перевезенцева Т. В. История России с древнейших времён до конца XIX века: учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений. М., 2013.
- ¹⁰ Перевезенцев С. В., Перевезенцева Т. В. История России. XVI–XVII века: учеб. пособие для 7 кл. В 2-х ч. Екатеринбург, 2019; Перевезенцев С. В., Перевезенцева Т. В. История России. С древнейших времён до начала XVI века: учеб. пособие для 6 кл. В 2-х ч. Екатеринбург, 2020; Перевезенцев С. В., Перевезенцева Т. В. История России. XVIII век: учеб. пособие для 8 кл. В 2 ч-х. Екатеринбург, 2020–2021; Перевезенцев С. В., Перевезенцева Т. В. История России. XIX – начало XX века: учеб. пособие для 9 кл.: В 2-х ч. Екатеринбург, 2021; Перевезенцев С. В., Перевезенцева Т. В. История России. XX – начало XXI века. 10-11 классы: в 4-х ч. Екатеринбург, 2022. Помимо учебных пособий, в УМК входят также “Рабочие тетради” для учащихся и методические пособия “Книга для учителя” по каждой параллели.